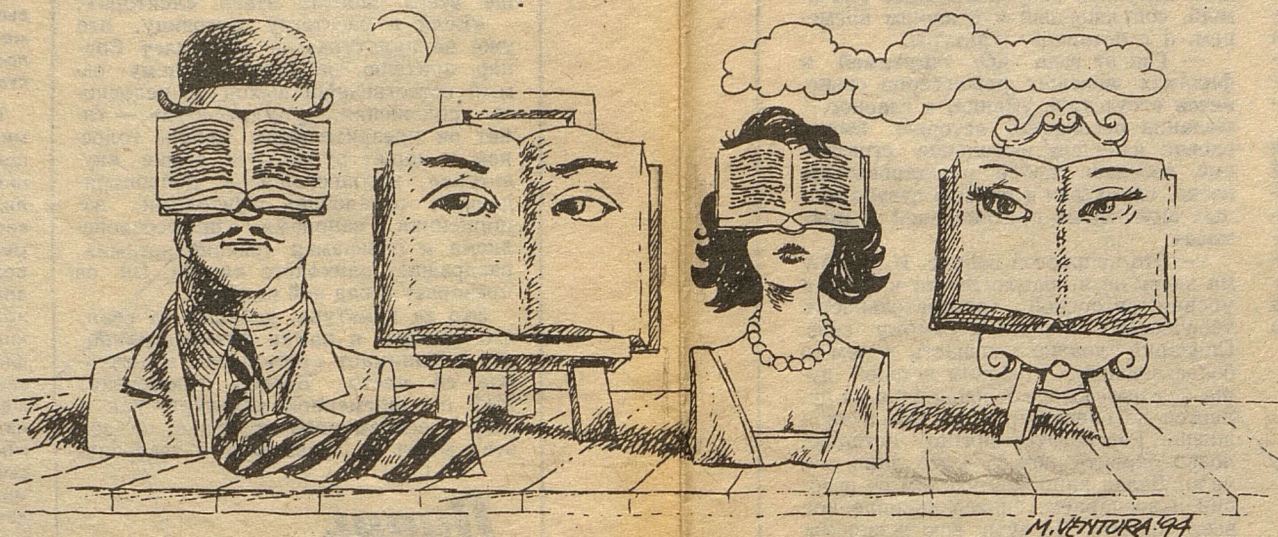

Уилли РАССЕЛ

ВОСПИТАНИЕ РИТЫ

(ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ)

Английский драматург Уилли Рассел родился в Ливерпуле в 1947 году. В пятидесятiletнем возрасте, бросив школу, он становится... дамским парикмахером. Отдав этой необычной профессии шесть лет и достигнув в ней определенного совершенства, Рассел вновь резко меняет русло своей жизни — поступает в педагогический колледж Святой Елизаветы, по окончании которого год работает преподавателем (таким образом, его будущие герои, Фрэнк и Рита, отчасти «писаны» им с самого себя). В 1971 году Рассел впервые попадает в театр — ливерпульский «Глейхауз», где будут впоследствии поставлены многие его собственные пьесы, — и это, несомненно, вполне случайное событие, заставляющее его вновь изменить свою жизнь — теперь уже окончательно и навсегда.

Он начинает писать пьесы. Драматургический дебют Рассела состоялся на театральном фестивале в Эдинбурге в 1972 году, где был показан его цикл одноактных миниатюр «Слепой из Ливерпуля». Однако, известность принесла Расселу именно пьеса «Воспитание Риты», ее премьера состоялась в 1980 году на малой сцене Королевского Шекспировского театра в Лондоне, в тот же сезон спектакль был перенесен на сцену восточного театра «Пикадилли» (это — свидетельство успеха), после чего

Рассел получает приз Общества вест-эндских театров за лучшую комедию сезона. Тремя годами позже пьеса была экранизирована — в фильме режиссера Льюиса Гилберта снимались известные английские актеры Майкл Кейн и Джулиа Волтерс. Свою пьесу — историю о современном Питмалоне и не менее современной Гателее — Рассел назвал «комедией». Но написал при этом — подобно некогда Чехову — и притчу, и драму, и фантазию, и было.

Мы предлагаем вниманию читателей 1-ю сцену пьесы — «завязку» непростых и достаточно необычных взаимоотношений пятидесятилетнего университетского преподавателя литературы Фрэнка и двадцатилетней парикмахерши Риты. А как эти отношения развиваются дальше, и чем они завершатся — об этом любопытствующий читатель сможет узнать из журнала «Современная драматургия» (1984, № 1), где пьеса публикуется полностью, впервые вводя в наше сознание (а быть может, — и в репертуар наших театров) имя английского драматурга Уилли Рассела, — в котором, как мне кажется, есть что-то и от Чехова, и от Арубузова, и от Радзинского. И при этом есть, несомненно, главное — индивидуальность.

Юрий ФРИДШТЕЙН.

Действие I
Сцена 1

Действие пьесы происходит в наши дни, в одном из университетов на Севере Англии. Комната на первом этаже университетского здания, выстроенного в викторианском стиле. Слева большое окно в эркере, рядом с которым стоит письменный стол. Еще один стол, заваленный книгами и рукописями, расположен в центре сцены. На стенах полки с книгами, а также старинная литография, на которой изображены библейские персонажи в обнаженном виде. Когда занавес открывается, мы видим на сцене Фрэнка (ему за пятьдесят), стоящего около двери с пустым стаканом в руке. Он подходит к книжному полкам, расположенным в правой части его кабинета, и начинает суетливо рыться среди книг, тут же ставя их обратно.

Фрэнк (озирая глазами полки с книгами). Где же, черт побери? За Элиотом? (Он вынимает еще несколько томов и заглядывает за них). Нет, не здесь. (Ставит книги на место). «Э». (На секунду задумывается). «Э», «э», «э», «э»... (независимо вспоминает). Да нет же, за Диккенсом! (он горестно уходит к полке, где стоят романы Диккенса, вынимает несколько томов и извлекает из-за них бутылку виски).

Раздается телефонный звонок, который заставляет его врасплох. Однако, прежде чем взять трубку, он успевает основательно глотнуть из стакана и, хотя речь его звучит вполне отчетливо, по голосу чувствуется, что он сильно пьян.

Слушаю. Ну, конечно, я еще здесь. Ну, потому что я жду эту девушку, которой вздумалось поступать в Открытый университет, я же тебе говорил. Ну да, разумеется, я тебя предупреждал, и поэтому, дорогая, тебе вовсе не нужно было разогревать обед. Потому что я тебе сказал, я точно помню, как я тебе это сказал, что придю сегодня поздно. Да, да, очень может быть, что потом я заглянжу в паб. После же визита мне это будет совершенно необходимо, чтобы постараться забыть об очередной молодой идиотке, пытающейся постичь тайны Генри Джеймса или еще какого-нибудь писателя, которого нам придется изучать в процессе этого курса. О, господи, зачем я за это заглял? Ну да. Да, наверное, для того, чтобы было чем платить за выпивку.

Раздается стук в дверь. Послушай, мне надо идти. Там кто-то стучит. Да, да, разумеется, я общаю. Только две кружечки. Ну, максимум, четыре.

В дверь снова стучат. (Адресуясь к тому, кто стоит за дверью): Войдите! (продолжает телефонный разговор). Да. Обязательное. Да. Пока (кладет трубку). Вот именно, можешь слохнуть, можешь сама заглянуть в свою дорожку с головой! (Кричит). Ну, кто там, входите же!

Дверь распахивается и входит Рита. Рита (с порога). Так что, входите, кто ли? Все эта чертова поганая ручка у вашей двери. Пора бы вам ее починить! (Рита входит в комнату).

Фрэнк (глядя на лежащие перед ним бумаги). смущен). Я давно собираюсь... Рита (подходя к столу рядом с письменным столом и швыряя на него сумку). Знаете, так можно было собраться, а толку все равно никакого. В один прекрасный день, когда вы заорете «Войдите!», эта ручка вообще выйдет из строя, и уже войти не сможет никто и никогда. А вы не сможете выйти.

Фрэнк продолжает изумленно смотреть на Риту, стоящую около его письменного стола.

Фрэнк. Вы... Рита. Ну я, что дальше?

Фрэнк. Прощу прощения.

Рита. Что еще?

Фрэнк (перебрав бумагу у себя на столе). Итак, вы...

Рита. Ну, что я?

Фрэнк на минуту отрывая глаза от бумаг, затем снова погружается в поиски. Рита в это время снимает пальто и вешает его на крючок у двери.

Рита (замечая висющую на стене литографию).

А картинка ничего, что скажете? (Подходит к ней ближе).

Фрэнк. Хм... ну да, мне тоже так кажется, что ничего.

Рита (продолжая рассматривать литографию). Жутко эротическая.

Фрэнк (отрываясь от бумаг). Честно говоря, я, наверное, уже лет десять на нее не смотрел, но, наверное, вы правы.

Рита. Да точно, только взгляните на эти сиськи. (Фрэнк покашливает и продолжает перебирать свои бумаги, ниса среди них Ритины документы). А это так надо, чтобы она была такой эротической? Ну, то есть, когда он ее рисовал, он что, хотел, чтобы на нее все падали?

Фрэнк. Может, и хотел.

Рита. Бысь об заклад, именно этого он и добивался. Если рисуешь такие картинки, то не для того же, чтобы люди любовались, как там красна полужена, что, разве не так?

Фрэнк (глядя на литографию). Мне она кажется прекрасной.

Рита. Да не спрашиваю я вас о том, кажется ли она вам прекрасной...

Фрэнк. Когда я говорю, что считаю эту картину прекрасной, я имею в виду самые разные ощущения, которые она у меня вызывает, в том числе, и эротическое тоже.

Рита (осматривая стол Фрэнка). А у вас что, много таких, как я?

Фрэнк. Не понял.

Рита. Ну, много у вас таких студентов, кроме меня?

Фрэнк. Да нет, не так чтобы очень много.

Рита. Когда я узнала, что меня приняли, я прямо обделалась. Будь это обычный университет, им бы такое и в голову не пришло. Но Открытый университет — это ведь совсем другое?

Фрэнк. Ну, в настоящем университете студенты получают более всестороннее знание.

Рита (рассматривая стоящие на полках книги). Ну да, и ученые степени, годные лишь для пусломошек.

Фрэнк. Не хотели бы вы присесть?

Рита. Ни малейшего желания! Курить у вас разрешают? (Она подходит к своей сумке и начинает в ней рыться).

Фрэнк. Вы имеете в виду табак?

Рита. Ну да (издает смехок). Это что, шутка такая? (Достает из сумки пачку сигарет и зажигалку). Не желаете? (Вынимает две сигареты и швыряет пачку на стол Фрэнка).

Фрэнк (после некоторой паузы). Не откажусь.

Рита. Ну так за чем дело стало?

Фрэнк (вновь после паузы). Вообще-то я не курю. Слово да.

Рита. Да ладно, я никому не скажу.

Фрэнк. Обещаю?

Пока Фрэнк идет к столу, чтобы взять сигарету, Рита переключается ее так, чтобы он не мог дотянуться.

Рита (салютуя по-скаутски). Клянусь. (Она протягивает ему сигарету). Ненавижу курить в одиночестве. А сейчас все, как нарочно, с этим заявляли. Рака, видите ли, боится.

Фрэнк. Думаете?

Рита. Болезни, как и смерть, надо встречать с открытым забралом. Я это в одном стихике прочла.

Фрэнк. Наверное, у Дилана Томаса.

Рита. Нет, у Роджера Макгоу. Там еще говорилось об одном старикашке, который сбегает из больницы, напиавается и, стоя посреди улицы, орет во всю глотку, вызывая смерть на бой. Здорово написано.

Фрэнк. Ну да. Впрочем, боюсь, мне это стихотворение читать не приходилось.

Рита. Так я принесу вам книжку — потрясная, сами увидите.

Фрэнк. Большое спасибо.

Рита. Не знаю, может, вам она и не понравится.

Фрэнк. Ну почему же?

Рита. Это такие стихи, в которых все очень понятно написано.

Фрэнк. А, ясно.

Рита (разглядывая содержимое книжных полок). Можно. (Снимает с полки роман «Хоуардс-Энд»). Это про что?

Фрэнк подходит к Рите, смотрит на название кни-

ги и возвращается к столу с напиктами.

Фрэнк. «Хоуардс-Энд» про что?

Рита. Ну да. Наверное, какие-нибудь непристойности? Кто это написал? Э. М. Фостер.

Фрэнк. Форстер.

Рита. Ну не все ли равно. Так про что это?

Фрэнк. А вы возьмите. Почтайте.

Рита. Ладно, возьму (возвращается к столу). Если я решу послать эти ваши курсы на фиг, верну книжку по почте.

Фрэнк (протягивая стакан Рите). Послать на фиг? А, собственно, почему? Рита ставит стакан на стол и кладет книгу в сумку.

Рита. А я такая. Все могу. Могу, например, ре-шить, что это была дурацкая затея.

Фрэнк (глядя на нее). Ваше здоровье! Прощу прощения, но если вы уже сейчас готовы послать, как вы враждуете, на фиг, то зачем вообще надо было все это затевать?

Рита. А затем, что мне хотелось узнать.

Фрэнк. Что же вам хотелось узнать?

Рита. Все.

Фрэнк. Все? Довольно много, не так ли? И с чего же вы собираетесь начать?

Рита. Ну, я ведь теперь настоящая студентка, стало быть, мне придется сдавать экзамены?

Фрэнк. В какой-то момент, несомненно.

Рита. А для этого мне нужно многому научиться, верно? Понимаете, бываю, сидишь, смотришь по телеку какой-нибудь балет или там оперу, к примеру, и говоришь сама себе: ну что за мурда такая — потому что они так и кажутся тебе — мурой. И ничегошеньки ты в этом не смыслишь. И выключаясь проклятый телек, повторяю: ну что за чертову мурду они крутят?

Фрэнк. Это вы о себе?

Рита. Конечно, о себе. А теперь я хочу, чтобы все было иначе. Хочу понимать, что там на самом деле происходит, какой в этом смысл. Ничего, что я иногда «выражаюсь», вы не против?

Фрэнк. Ничуть.

Рита. А вы сами любите «выражаться»?

Фрэнк. Еще как. С утра до вечера.

Рита. Ну да, образованные понимают, что это только слова такие, а больше ничего. Это простые принимают все за чистую монету, потому мне и нравятся иногда что-нибудь такое сказануть, позабавить. У себя в парикмахерской, я в парикмахерской работаю, бываю, нарочно погромче чего-нибудь лягну — ну, что тут начинается.

Фрэнк. Могу себе представить.

Рита. А образованные — те и внимания не обратят, верно? Только эти кретины, эти парни, с которыми я встречаюсь, корчат из себя особ королевской крови, потому, видите ли, что они не ругаются. А вот настоящие аристократы — так те ругаются всю дорогу, скажете, нет? Целый день, только и знают, что посылают на «х» и на «б». Только и слышишь: «Будь любезен, передай мне, пожалуйста, блюдо с этой е... куропаткой», — что, не так? Им ведь не объясняешь, как это на самом деле звучит — да они и не виноваты, что говорят такое, и ничего с ним и не слелашь. (Она подходит к окну и выглядывает во двор).

Ну иногда я их ненавижу. Слушайте, а что это — ощущать себя абсолютно свободным?

Фрэнк. Ага, вот это серьезный вопрос. Хотите еще выпить? (Он подходит к маленькому столу).

Рита (качая головой в знак отказа). Попадai к какому-нибудь другому преподавателю, ноги моей здесь бы уже не было.

Фрэнк (наливая себе виски). Какому еще другому преподавателю?

Рита. Ну, такому, который не разрешал бы мне

«выражаться».

Фрэнк. А вы откуда знали, что я разрешаю?

Рита. А я и не знала. Просто устроила вам тест. Фрэнк (возвращаясь к письменному столу и глядя на Риту). Понятно. А вы, насколько я мог заметить, достаточно часто «выражаетесь»?

Рита. Ну да, часто. Особенно, когда волнуюсь.

Фрэнк (усаживаясь на крутящийся стул). И какой же балл я у вас заслужил?

Рита. Самый высший. Десять из десяти возможных. Первое место в классе и золотую медаль впридачу. Мне нравится эта комната. И это окно. А вам оно нравится?

Фрэнк. Что?

Рита. Окно.

Фрэнк. По правде сказать, я как-то об этом особенно не задумывался. Просто у меня иногда возникает потребность что-нибудь из него выбросить.

Рита. Например?

Фрэнк. Ну, например, какого-нибудь очередного идиота-студента.

Рита (улыбаясь). Вы что, совсем ненормальный?

Фрэнк. Очень может быть.

Пауза.

Рита. А вы разве не должны устроить мне прослушивание?

Фрэнк (глядя на стакан с виски). А что, в этом есть необходимость?

Рита. Хотите сказать, что я и без того слишком много болтаю? Я знаю, что иногда говорю лишнее. Но только не дома. Дома я вообще рта не открываю. Мне ведь не часто выпадает случай поболтать с таким человеком, как вы. Не возражаете, если я с вами немножко поговорю?

Фрэнк. А если бы я возражал — вас бы это очень огорчило? (Она сначала кивает головой, как бы говоря «нет», но потом кивает: «да»). Но я и не возражаю. (Он делает глоток из стакана).

Рита. А что такое ассонанс?

Фрэнк (от удивления едва не уронив стакан). Что? (Он на секунду усмехается).

Рита. Пожалуйста, не надо надо мной смеяться.

Фрэнк. Нет-нет, что вы. Хм, ассонанс. Это такой вид рифмы. Ну, вот, к примеру. Вы знаете Ийтса?

Рита. Того, что держит винную лавку?

Фрэнк. Нет, поэта, Уильяма Батлера Йейтса.

Рита. Поэта не знаю.

Фрэнк. Понятно. Ну так вот, у этого самого Йейтса есть одно стихотворение, оно называется «Тот, кто мечтал о волшебной стране», где рифмуются «кольца» и «пальцы». Вот это и есть пример ассонанса.

Рита. Значит, ассонанс — это просто неправильная рифма?

Фрэнк (глядя на нее и смеясь). Честно говоря, мне это никогда не приходило в голову. Но в общем-то вы правы, можно сказать, что это и в самом деле неправильная рифма, — однако, все дело в том, что поэт рифмует так вполне сознательно, стремясь достичь определенного эффекта.

Рита. А... (пауза, во время которой она снова озирается глазами по комнате). Столько всего на свете интересного, о чем я и понятия не имею.

Фрэнк. Как вас зовут?

Рита (направляясь к книжному полкам). Рита.

Фрэнк (глядя на лежащие перед ним бумаги). Рита. А здесь сказано: миссис С. Уайт.

Рита склоняется над головой Фрэнка, берет карандаш и зачеркивает нинцаль «С».

Рита. «С» означает Сьюзен. Так меня зовут на самом деле. Но я поменяла свое имя на Риту.

Я больше не Сьюзен, я и сама называю себя Ритой — знаете, в честь Риты Мей Браун.

Фрэнк. Кого-кого?

Рита. Ну, господи, Риты Мей Браун, той, что написала «Рубиновые джунгли». Неужели не слышали? Классная книжка! Хотите, дам почитать?

Фрэнк. А, ну да, разумеется.

Рита. Нет проблем! (Рита извлекает из сумки экземпляр «Рубиновых джунглей» и протягивает его Фрэнку. Он берет книгу в руки и начинает изучать рекламу, помещенную на задней стороне супера). А вас как зовут?

Фрэнк. Фрэнк.

Рита. Это, что же, в честь Фрэнка Харриса?

Фрэнк. Ни Харриса, никакого другого Фрэнка.

Рита. Ну, а может, ваши родители назвали вас так не случайно? (она усаживается на стул, рядом со столом Фрэнка). К примеру, Фрэнк Несс, как будто вы брат Элиота.

Фрэнк. Какого еще Элиота?

Рита. Неужели непонятно? Фрэнк Несс, брат Элиота.

Фрэнк (озадаченно). А...

Рита. Я вижу, вы никак не врубаетесь. Господи, ну Элиот Несс, этот знаменитый мылтон из Чикаго, тот, что еще поймай Аль Капоне.

Фрэнк. Ну, теперь понял. Сначала, когда вы сказали «Элиот», я подумал, что вы имеете в виду поэта.

Рита. А вы что же, читали его стихи?

Фрэнк. Признаться, читал.

Рита. Неужели все читали?

Фрэнк. До последней строчки.

Рита (потраченная). Честно? Я тоже начала было читать одно, но так и не продралась до конца.

Фрэнк (снова заглядывая в ее документы). Значит, вы дамский парикмахер?

Рита. Ну да.

Фрэнк. И хорошо это у вас получается?

Рита. Вот со стула я начинаю расхаживать по комнате). Неплохо — если захочу. Но, обычно я не слишком-то усердствую. Надоели они мне, прямо на нервы действуют.

Фрэнк. Кто надоел?

Рита. Ну кто же еще — клиентки. Никогда толком не объяснял, чего им надо. Знаете, когда делаешь перманент, нельзя лить слишком много химии: если волосы выкрашены какой-нибудь дешевой — тут же все вылезет. Да вот, к примеру, в прошлом месяце пришла ко мне одна клиентка, перманент делать, клялась и божилась, что ничем не красилась. Ну, а я-то вижу, что врет. Ладно, сделала ей перманент в лучшем виде, выходит она из сушилки, а на голове у нее один пушок торчит.

Фрэнк. И что же было дальше?

Рита. Как что? Известно что — пришлось ей парик покупать.

Фрэнк. О, господи!

Рита. Знаете, когда женщины хотят, чтобы у нее волосы выглядели, она все сделает, любые денюжки выложит, не пожалеет. А вот у пенсионеров свои проблемы: никогда не предупредят про слуховой аппарат — ну и обрежешь его невзначай. Чик — и бабуса потом две недели ходит глухой те-терей, пока ей новый не поставят. Я эти аппараты всегда обрезаю.

Фрэнк. Это у вас прямо какой-то пунктик?

Рита. Точно. А все потому, что они ждут от меня чуда. Думают, пришли в парикмахерскую одним человеком, а вышли совсем другим. Но если решил стать другим, он же должен изменить не прическу — а что-то в самом себе, ну душу, что ли. Вот, как я, например. Думаете, получится?

Фрэнк. Ну, это действительно только от вас зависит, от вашего характера. Вы убеждены, что действительно хотите всерьез учиться?

Рита. Еще как хочу. Вы не смеетесь, я про себя все как есть понимаю. Но я в самом деле очень серьезно к этому отношусь, хотя, честно говоря, жутко в себе не уверена. (Фрэнк смотрит на Риту, под его взглядом ей становится явно не по себе. Она отодвигается и отворачивает лицо). Эй, чего это вы так на меня смотрите?

Фрэнк. Да, смотрю — потому что вы потрясающая! Если хотите знать, я воспринимаю ваше появление, как первый глоток свежего воздуха, который ворвался в эту комнату за все последние годы.

Рита (бесцельно сонная по комнате). Ну, здравствуйте, так кто из нас выглядит смешно?

Фрэнк. Неужели вы не поняли, что я вам сделал комплимент?

Рита. Ладно, комплимент так комплимент, вальте дальше.

Фрэнк. То есть?

Рита. Да нечего прикидываться, прекрасно понимаете, что я имею в виду.

Фрэнк. Что мне действительно очень бы хотелось понять, так это — откуда возникло у вас вдруг столь неожиданное желание?

Рита. Какое желание? Учиться?

Фрэнк. Да.

Рита. Оно возникло не случайно.

Фрэнк. Интересно.

Рита. Я очень рано поняла, что не похожа на других. Мне ведь уже двадцать шесть, давно пора было завести ребенка, как все нормальные женщины. Мой муж наверняка считает, что я на это просто неспособна. Все время толкает и ноет: «Кончай принимать таблетки, давай ребенка родим». И я ему говорю, что больше не принимаю, просто, чтобы он заткнулся.